

ПРОБЛЕМЫ ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССА

О РЕФОРМАХ ЦИВИЛИСТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА 2018–2019 гг.: ВЗГЛЯД СВЕРХУ

Т.В. САХНОВА,

доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой гражданского процесса
Сибирского федерального университета

<https://doi.org/10.24031/2226-0781-2020-10-3-12-29>

В данной статье автором рассматриваются и анализируются процедуры реформирования цивилистического процессуального законодательства, начавшиеся в 2018 г. и завершившиеся в 2019 г., успевшие войти в историю развития процессуального законодательства, а равно и процессуальной мысли, как «процессуальная революция». Так, одним из аспектов, выделяемых в рамках данного исследования, является признание подсудности процедурным регулятором в рамках единой цивилистической процессуальной формы. Другой аспект, рассматриваемый автором, – это универсализация и повышение процедурного квалифицирующего компонента процедур, отличных от общей цивилистической процессуальной формы, движение в направлении горизонтальной дифференциации цивилистического процесса по процедурному критерию. Также выделяется интеграция института примирительных процедур, включая мировое соглашение, – демонстрация de facto нового метода достижения целей процесса посредством урегулирования спора волеизъявлением заинтересованных лиц. Кроме того, процессуальная революция возвратила всех к такому инструменту защиты прав и законных интересов, как групповой иск. Утверждение данных реформ, реформирование системы судов и иные метаморфозы и преобразования, произошедшие на закате второго десятилетия лет XXI в., еще предстоит оценить как с научной точки зрения, так и в контексте их эффективности. Одновременно с этим уже сейчас имеет смысл проводить анализ и строить некоторые прогнозы, задающие дальнейший вектор развития процессуальной науки и практики.

Ключевые слова: цивилистический процесс; процессуальная революция; подсудность; примирительные процедуры; групповой иск; законодательство.

ON THE REFORM OF CIVIL PROCEDURE IN 2018–2019: A VIEW FROM ABOVE

T.V. SAKHNOVA,

Doctor of Legal Sciences, Professor, Head of the Department of Civil Procedure,
Siberian Federal University

In this article, the author considers and analyzes the procedures for reforming the civil procedural legislation, which began in 2018 and ended in 2019, which managed to enter the history of the development of procedural legislation, as well as procedural thought, as a “procedural revolution”. One of the aspects highlighted in the framework is the recognition of jurisdiction – a procedural regulator in the framework of a single civil procedural form. Another aspect considered by the author is the universalization and increase of the procedural qualifying component of procedures other than the general civil procedural form, the movement in the direction of horizontal differentiation of civil procedure according to the procedural criterion. Also, the integration of the institution of conciliation procedures, including a settlement agreement, is highlighted – a de facto demonstration of a new method of achieving the goals of the process by resolving a dispute by the expression of will of interested parties. In addition, the procedural revolution has returned everyone to such an instrument for protecting rights and legitimate interests as a class action. The contemplation of these reforms, the reform of the court system and other metamorphoses and transformations have yet to be evaluated, both from a scientific point of view and in the context of their effectiveness. At the same time, it now makes sense to conduct an analysis and build some forecasts that define the further vector of the development of procedural science and practice.

Keywords: civil procedure; procedural revolution; jurisdiction; conciliation procedures; class action; legislation.

Реформы цивилистического процессуального права 2018–2019 гг.¹ уже получили название «процессуальной революции»², давая пищу для анализа *pro et contra* под различными углами зрения.

¹ См.: Федеральный закон от 28 ноября 2018 г. № 451 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2018. № 49 (ч. 1). Ст. 7523; Федеральный закон от 18 июля 2019 г. № 191-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2019. № 29 (ч. 1). Ст. 3858; Федеральный закон от 26 июля 2019 г. № 197-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2019. № 30. Ст. 4099.

² См., напр.: Приходько И.А., Бондаренко А.В., Столяренко В.М. Процессуальная революция: решенные и нерешенные задачи. М.: Междунар. отношения, 2019.

Нам бы хотелось посмотреть на процесс современного реформирования немого «сверху» – с точки зрения общих тенденций цивилистического процесса (конституционализации, материализации, интернационализации), среди которых материализацию процесса полагаем наиболее актуальной – как выражающей субстанционализацию права на судебную защиту и, образно говоря, углубление процесса «в себя». Онтологическая составляющая цивилистического процесса очевидно переходит в практическую плоскость, что нами ранее уже отмечалось, и реформы 2018–2019 гг. демонстрируют это со всей наглядностью¹.

Федеральные законы 2018–2019 гг. знаменуют, по нашей оценке, следующий крупный шаг вперед в направлении материализации цивилистического процесса. Это самая знаковая и принципиальная реформа процесса XXI в. после принятия ГПК РФ и АПК РФ 2002 г. Современные преобразования делают систему процессуального права более сложной, но и одновременно стремящейся к онтологическому единству, когда цивилистический процесс – уже в законодательной ипостаси – проявляет себя, перестает быть доктринальной категорией, но отражает внутренне согласованное цивилистической процессуальной формой сущностное (не формально-процедурное) единство процесса, раскрывающееся в многообразии процедур под общим знаменателем *iustitia*. Ибо цивилистический процесс не арифметическое сложение составляющих (гражданский процесс, арбитражный процесс, производство по делам, возникающим из публичных/административных правоотношений), но онтологическая категория, выражающая исторически выработанные нравственные ценности справедливости, наиболее точно описываемые формулой *actio-ius*.

В этом контексте первое, что обращает на себя внимание: материализация процесса перестает пониматься только в предметном смысле, когда предметом процесса может быть сам процесс, если речь идет о защите права на судебную защиту как субстантивного процессуального права. Предметность материализации цивилистического процесса наглядна, например, в следующих случаях: разумный срок судопроизводства – когда его нарушение может влечь так называемое компенсационное производство, которое имеет своим предметом само право на судебную защиту в разумные сроки; рассмотрение дела судом, которому оно подсудно, – как элемент конституционного права на судебную защиту², нарушение которого не отвечает требованию справедливого правосудия³, а нару-

¹ Постановку проблемы и анализ первых шагов на этом пути см., напр.: Сахнова Т.В. ГПК РФ: долгий путь реформ // Вестник гражданского процесса. 2013. № 4. С. 27–39; Она же. Право на судебную защиту как субстантивное процессуальное право: эффект глобализации // Вестник гражданского процесса. 2014. № 3. С. 11–25.

² См., напр., постановление КС РФ от 16 ноября 2018 г. № 43-П «По делу о проверке конституционности части первой статьи 44 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан А.Б. Болчинского и Б.А. Болчинского» // СЗ РФ. 2018. № 48. Ст. 7492.

³ См., напр., постановление КС РФ от 17 октября 2017 г. № 24-П «По делу о проверке конституционности пункта 5 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Д.А. Абрамова, В.А. Ветлугаева и других» // СЗ РФ. 2017. № 44. Ст. 6569.

шение правил подсудности оценивается как дезавуирование права на судебную защиту; выявление пределов инстанционной проверки судебных постановлений и полномочий суда *ex officio*; формирование предмета проверки надзорной инстанции. И хотя не со всеми выводами относительно возможных процессуальных последствий нарушения реализации субстантивного процессуального права на судебную защиту, одобренными доктриной и практикой высших судебных инстанций, мы согласны (например, в условиях стремления законодателя к чистоте неполной апелляции и с учетом концепта ч. 5 ст. 330 ГПК РФ полагаем неверной выработанную рекомендацию об отмене решения суда в случае нарушения им правил подсудности и о направлении дела на рассмотрение суду первой инстанции, которому дело подсудно, ибо это есть кассационное начало; точнее было бы решать данную ситуацию по правилам ч. 5 ст. 330 ГПК РФ), нельзя не увидеть: предметная материализация цивилистического процесса уверенно обретает законодательную и правоприменительную плоть.

Вместе с тем методологическая составляющая материализации, как правило, оставалась «за кадром», доктриной не анализировалась, при разработке законодательного концепта не учитывалась. Это представляется принципиальным пробелом, ибо именно методы процесса суть инструментарий достижения его справедливости, а следовательно, и справедливости его результатов. Тем не менее естественное течение процесса берет свое, и материализация начинает обретать методологическую зримость, воплощаться в методах процесса, которыми и творится его цель. В этом нам видится главное сегодня; оно составляет квинтэссенцию новелл 2018–2019 гг., несмотря на то, что осознанного стремления к этому законодатель не демонстрирует. И именно это имеет действительно революционное значение для концепта цивилистического процесса и возврата к исторически родной парадигме *actio-ius*. Ибо цивилистический процесс – о вещественная цивилистической процессуальной формой справедливость, творящая право.

Обратим внимание на онтологическое значение наиболее важных, на наш взгляд, законодательных новелл, связанных с материализацией методов цивилистического процесса.

1. Признание подсудности процедурным регулятором в рамках единой цивилистической процессуальной формы. Отказ от подведомственности, разделяющей формы защиты, в том числе судебной, – ожидаемый и предсказуемый шаг в направлении функциональной унификации судебной защиты и единства процесса.

В контексте материализации мы хотели бы подчеркнуть следующее: подведомственность – материально-правовой (предметный) критерий разграничения форм защиты, отражение парадигмы *ius-actio*. Категории «форма защиты» и «подведомственность» порождены друг другом и друг другу коррелируют. Более того, подведомственность (как ее ни понимай: как отнесенность дела к ведению определенного юрисдикционного органа или как свойство дела, в силу

которого оно относится к ведению того или иного юрисдикционного органа) онтологически исходит из примата материально-правового над процессуальным, полагая квалифицирующим критерием особенности предмета процесса (спорного/неопределенного материально-правового отношения). Категория «форма защиты», как она сложилась в XX в. в России, добавляла к этому специфику компетенции (естественно, исключительно в материально-правовом смысле) определенного юрисдикционного органа на разрешение спора. Уже в силу данных обстоятельств подведомственность не способна была выполнить никакую иную функцию, кроме размежевания и разделения, что давно неактуально и неэффективно в становящемся все более тесным мире (в юридическом смысле – также) и тем более в условиях реального единства цивилистического процесса. Подсудность, напротив, работает навстречу парадигме *actio-ius*. Подсудность, пришедшая на смену подведомственности, не дань моде и плохо понимаемой «европеизации», но закономерность в развитии процедурного типа процесса. Процедурное начало подсудности делает неактуальным различие понятий «судебная форма защиты» и «процессуальная форма»: они стремятся к синонимичности. Наконец, подсудность не предметна в своей сути, но методологична. Подчеркивая значимость подсудности в понимании права на судебную защиту как субстантивного процессуального права, мы тем самым акцентируем его процессуальную предметность (субстантивность), а это и есть материализация цивилистического процесса.

2. **Универсализация и повышение процедурного квалифицирующего компонента процедур, отличных от общей цивилистической процессуальной формы**, – движение в направлении горизонтальной дифференциации (и одновременно гармонизации) цивилистического процесса по процедурному (не предметному!) критерию. Правда, законодательные решения пока противоречивы и стройностью концепта не отличаются.

Законодательно регламентируются различные виды процедур, отличающиеся от общей цивилистической процессуальной формы, – упрощенное производство, заочное производство, приказное производство, а также *de facto* формирующееся производство по малозначительным требованиям (рассматриваемым мировыми судьями), которые в доктрине зачастую квалифицируются через одни категории – ускорение, упрощение процесса¹. Мы не раз высказывались относительно различной онтологии упомянутых процедур, как и о том, что дифферен-

¹ См., напр.: Проблемы развития процессуального права России: монография / под ред. В.М. Жуйкова. М.: НОРМА; ИНФРА-М, 2016 (п. 8 гл. 2; автор – М.А. Савина); Решетникова И.В. Размышляя о судопроизводстве: Избранное. М.: Статут, 2019 (гл. 2, пар. «Упрощенное производство»); Малышкин А.В. Категории дел, подлежащих рассмотрению в порядке упрощенного производства: интегрирование приказной и общеисковой юрисдикции // Вестник гражданского процесса. 2017. № 4. С. 234–246; Солохин А.Е. Упрощенные (ускоренные) процедуры рассмотрения дел в гражданском и арбитражном процессе: история, проблемы, перспективы // Вестник экономического правосудия РФ. 2015. № 8. С. 135–157.

циация судебных процедур – свидетельство не упрощения, но усложнения процесса, процедурного поля урегулирования правовых конфликтов¹.

В контексте материализации методологии и методов процесса обратим внимание на некоторые новеллы, связанные с усилением критерия процедурности как квалифицирующего признака собственно упрощенной процедуры – упрощенного производства (гл. 26 АПК РФ, гл. 21.1 ГПК РФ, разд. V КАС РФ).

По законодательному концепту *упрощенное производство* – самостоятельная судебная процессуальная процедура, вписанная в общую цивилистическую процессуальную форму, но имеющая процедурные особенности (ср. ч. 1 ст. 226 АПК РФ, ч. 1 ст. 232.1 ГПК РФ). Законодатель различает два вида упрощенных процедур: а) обязательная – в силу закона (п. 1–5 ч. 1, п. 1, 2 ч. 2 ст. 227 АПК РФ, п. 1–3 ч. 1 ст. 232.2 ГПК РФ); б) факультативная – в силу волеизъявления на то сторон (ч. 3 ст. 227 АПК РФ, ч. 2 ст. 232.2 ГПК РФ). По КАС РФ не предусматривается обязательной упрощенной процедуры, но сама возможность упрощенного производства связана с волеизъявлением: а) всех участвующих в деле лиц на рассмотрение дела в их отсутствие (если их участие в деле по закону не является обязательным); б) административного истца на рассмотрение дела в порядке упрощенного производства, если административный ответчик не возражает против этого (п. 1, 2 ч. 1 ст. 291 КАС РФ). Обратим внимание: отсутствие стороны/сторон не является квалифицирующим признаком упрощенного производства как судебной процедуры по ГПК РФ и АПК РФ. По сути, КАС РФ в упрощенном (письменном) производстве объединил критерии двух разных процедур: заочной и упрощенной.

Обязательное упрощенное производство ориентировано на предметный критерий (цена иска, беспорность обязательств). Факультативное упрощенное производство имеет главным процедурный критерий (волеизъявление сторон). Упрощенное производство – процедура процессуально двусторонняя, в которой полномочия суда *ex officio* призваны, полагаем, занимать подчиненное волеизъявлению заинтересованных лиц место, выполняя гарантирующую и координирующую функции. Однако единого подхода законодателем не выработано, даже и в факультативной упрощенной процедуре.

Прежде всего предметные и процедурные критерии не соотношены; *ex officio* стремится довлеть и там, где законодатель, казалось бы, вывел на первое место волеизъявление заинтересованных лиц (факультативная упрощенная процедура – ср. ч. 2 ст. 232.2 ГПК РФ; тот же посыл в ч. 3 ст. 227 АПК РФ); сквозь жест-

¹ Авторское понимание унификации и дифференциации как двуединой тенденции цивилистического процесса излагалось в различных работах. См., напр.: Сахнова Т.В. Новые ГПК и АПК РФ: единство процесса? // АПК и ГПК 2002 г.: сравнительный анализ и актуальные проблемы правоприменения: материалы Всероссийской научно-практ. конф. Москва, 2–3 апреля 2003 г. / отв. ред. Р.Ф. Каллистратова. М.: РАП, 2004. С. 25–35; Она же. Курс гражданского процесса. 2-е изд. М.: Статут, 2014; Sakhnova T.V. Development of Simplified Procedures in Civilistic Process in the Context of Legislative Reforms // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2020. Vol. 13. Iss. 1. P. 103–115 и др.

кость предметного критерия обязательной упрощенной процедуры (претендующей в определенной части занять место общей гражданско-процессуальной формы) робко проглядывает лик процедурного начала факультативной упрощенной процедуры как самостоятельного феномена, порожденного общей гражданско-процессуальной формой, но не заменяющего ее (ср. правила перехода из упрощенной процедуры в общеисковую, обусловленные волеизъявлением заинтересованного лица к предмету процесса, – появление в процессе третьего лица с самостоятельными требованиями, встречного иска ответчика, где акцент сделан на инициативу суда: ч. 4 ст. 232 ГПК РФ, ч. 5 ст. 227 АПК РФ). Заметим: КАС РФ в этом вопросе более ориентирован на волеизъявление обеих сторон (ср. ч. 2–5 ст. 292 КАС РФ), т.е. на процедурный критерий.

На наш взгляд, предпосылки к законодательному оформлению процедурного концепта упрощенной процедуры имеются – как онтологического свойства (развитие отечественного гражданско-процессуального процесса XXI в. в процедурном направлении), так и частного, уже находящего отражение в легальных новеллах, а именно: а) возможность возвращения в общую процедуру рассмотрения дела может быть вызвана необходимостью – понимаемой как в предметном, так и в объектном для процесса значении, «*в том числе по ходатайству одной из сторон*» (ср. п. 1, 2 ч. 4 ст. 232.2 ГПК РФ, п. 2, 3 ч. 5 ст. 227 АПК РФ, п. 2, 3 ч. 7 ст. 292 КАС РФ); б) полномочия суда *ex officio* на определение срока представления сторонами друг другу доказательств и возражений направлены на обеспечение реальной состоятельности процедуры в условиях отсутствия вызова сторон в судебное заседание (ср. ч. 2, 3 ст. 232.3 ГПК РФ, ч. 2, 3 ст. 228 АПК РФ, ч. 5.1 ст. 292 КАС РФ; ч. 5 ст. 232.3 ГПК РФ, ч. 5 ст. 228 АПК РФ); в) решение вопроса о возвращении в общую процедуру рассмотрения дела принимается после исследования судом объяснений, возражений и (или) доводов заинтересованных лиц и «*на основании доказательств, представленных в течение указанных сроков*» (абз. 2 ч. 5 ст. 232.3 ГПК РФ, абз. 3 ч. 5 ст. 228 АПК РФ, ч. 1 ст. 292 КАС РФ) – такой подход соответствует романской процедурной традиции (в отличие от традиции институционального процесса, где важен сам факт наличия/отсутствия возражения ответчика, но не доказанность обстоятельств). Положим, такие процедурные проявления еще достаточно робки, нечетки; одновременно с ними в регулировании упрощенного производства сосуществуют и элементы институционального характера, например, в вопросе о последствиях пропуска сторонами установленного судом срока представления доказательств и объяснений: «*...суд принимает эти доказательства и иные документы при условии, что сроки их представления пропущены по уважительным причинам*» (ч. 4 ст. 232.3 ГПК РФ, ч. 4 ст. 228 АПК РФ); в противном случае доказательства и (или) документы судом не рассматриваются и возвращаются заинтересованным лицам, их подавшим. Сравним: согласно § 2 ст. 179 ГПК Австрии объяснения сторон не принимаются судом, если их принятие создало бы препятствие дальнейшему движению дела, – прин-

цип «все должно быть представлено в свое время», характерный для концепта социального процесса.

Как видим, упрощенное производство по-прежнему характеризуется отсутствием единых квалифицирующих и классифицирующих критериев. Преобладают предметный (материально-правовой) и императивный подходы, в зависимость и производность от которых ставится, по сути, процедурный критерий, основанный на волеизъявлении сторон. Это онтологическая ошибка. Будущее развитие цивилистического процесса вообще и в особенности судебных процессуальных процедур, отличных от общей цивилистической процессуальной формы, связано, убеждены, с актуализацией частноправового, процедурного, начала в методах процесса. В этом – одновременно – залог повышения эффективности прикладного механизма судебной защиты, охранения конституционных гарантий правосудия.

Приказное производство, которое мы рассматриваем в контексте судебных непроцессуальных процедур, не претерпело изменений в 2018–2019 гг. Упоминаем, однако, чтобы подчеркнуть: к сожалению, консенсус относительно его сущности ни в доктрине, ни в законодательных предложениях¹ и регулировании, ни в судебной практике² так и не был достигнут. Критический анализ нами ранее уже давался³ – он остается актуальным и по сей день. Отметим, российское процессуальное законодательство рассматривает приказное производство как в известной степени альтернативную исковому производству процедуру (судья возвращает исковое заявление, если «заявленные требования подлежат рассмотрению в порядке приказного производства», – п. 1.1 ч. 1 ст. 135 ГПК РФ, п. 2.1 ч. 1 ст. 129 АПК РФ) – в этом очевиден предметный критерий, отраженный в ст. 122 ГПК РФ, ст. 229.2 АПК РФ. Однако для квалификации приказного производства как судебной процедуры не менее важен критерий процедурный: отсутствие спора о праве (ср. п. 3 ч. 3 ст. 125 ГПК РФ, п. 3 ч. 3 ст. 229.4 АПК РФ). Только квалификация приказного производства как судебной, но непроцессуальной процедуры позволяет в стадии принятия заявления решать вопрос о наличии/отсутствии спора о праве, исходя из приложенных к заявлению о выдаче судебного приказа документов, и рассматривать данное обстоятельство (бесспорно, процедурного характера) условием принятия заявления. Во всяком ином случае при решении вопроса о возбуждении дела по любой процессуальной про-

¹ См., напр.: Концепция единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации. М.: Статут, 2015. С. 67.

² См., напр., абз. 2 п. 22 постановления Пленума ВС РФ от 27 декабря 2016 г. № 62 «О некоторых вопросах применения судами положений Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации о приказном производстве» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2017. № 2.

³ См., напр.: Сахнова Т.В. О концепте единого Гражданского процессуального кодекса России (заметки по поводу) // Вестник гражданского процесса. 2015. № 1. С. 9–27.

цедуре это выглядело бы безусловным нарушением права на судебную защиту и незаконным отказом в правосудии (выявление наличия/отсутствия спора о праве и его юридическая квалификация возможны лишь в ходе рассмотрения дела по существу, но не в момент его возбуждения). Введенные в 2016 г.¹ правила п. 1.1 ч. 1 ст. 135 ГПК РФ, п. 2.1 ч. 1 ст. 129 АПК РФ находятся в противоречии с воспринятой отечественным законодательством концепцией иска, предпосылок и условий права на обращение в суд, демонстрируют производную от подведомственности логику, уже утратившую свое юридическое бытие, а потому, полагаем, от них следует отказаться.

Заочное производство также не претерпело сущностной новеллизации: Федеральным законом от 28 ноября 2018 г. № 451-ФЗ были уточнены некоторые процедурные моменты, связанные с обжалованием заочного решения и порядком его вступления в законную силу, что представляется важным; подчеркнута значимость общих правил вынесения судебного решения, в том числе и по окончании заочной процедуры рассмотрения дела как ординарной (не упрощенной и не сокращенной) процессуальной процедуры; соответственно, заочное решение выносится по общим правилам ординарной процедуры на основе исследованных судом доказательств, представленных участвующими в деле лицами (ср. ст. 234, 235 ГПК РФ). Иными словами, российский концепт заочного производства воспринял во многом французскую² процедурную традицию. И это соответствует современной тенденции материализации методов цивилистического процесса.

Производство по малозначительным требованиям российский законодатель не выделяет, но к нему тяготеет производство у мирового судьи по исковым делам (см. п. 2–5 ч. 1 ст. 23 ГПК РФ). Процедурных особенностей действующее законодательство не предусматривает, подсудность дел мировому судье установлена императивно, но имеется «лишь» одна особенность: «*Мировой судья может не составлять мотивированное решение суда по рассмотренному им делу*» (ч. 3 ст. 199 ГПК РФ), если от участвующих в деле лиц не поступило заявления о составлении мотивированного судебного решения (ч. 4 ст. 199 ГПК РФ). И в судебной практике, и в доктрине это вызывало различные толкования и эмоции, лежащие, как правило, в контексте реализации права на апелляционное обжалование³, пока Федеральный закон от 28 ноября 2019 г. № 451-ФЗ не уни-

¹ См.: Федеральный закон от 2 марта 2016 г. № 45-ФЗ «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации и Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации» // СЗ РФ. 2016. № 10. Ст. 1319; Федеральный закон от 2 марта 2016 г. № 47-ФЗ «О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации» // СЗ РФ. 2016. № 10. Ст. 1321.

² В свое время это было отмечено еще Е.А. Нефедьевым. См.: Нефедьев Е.А. Учебник русского гражданского судопроизводства. Краснодар: Советская Кубань, 2005. С. 333–334.

³ См., напр., постановление Пленума ВС РФ от 18 апреля 2017 г. № 10 «О некоторых вопросах применения положений Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2017. № 6.

фицировал подход, который, однако, по-прежнему находится в предметной плоскости (имеем в виду ходатайство участвующего в деле лица и подачу апелляционной жалобы как основания составления мотивированного решения). Мы бы обратили внимание на другое: производство по малозначительным требованиям, оканчиваемое судебным решением без – по общему правилу – составления мотивировочной части, имеет право на существование, однако именно в качестве самостоятельной процессуальной процедуры рассмотрения дела, в которой возможность вынесения судебного решения без мотивировочной части была бы поставлена в зависимость от позитивного волеизъявления сторон – их выраженного вонне согласия на вынесение такого решения. Процедурный подход видится единственно корректным решением.

Дальнейшее развитие различных судебных процедур необходимо требует концептуального подхода, ибо цивилистический процесс не может строиться методом «арифметического сложения». Пока, к сожалению, вынуждены констатировать отсутствие ясности в легальных критериях/основаниях судебных процедур и их дифференциации. Доктрина также не выработала единообразных рекомендаций на этот счет. Экстраполяция на современное развитие цивилистического процесса выработанного в середине прошлого века материально-правового (предметного) подхода к дифференциации процесса не отвечает существующим правовым реалиям. Чтобы создать законодательную модель той или иной судебной процедуры и их системы в едином поле цивилистической процессуальной формы, а судебных, но непроцессуальных процедур – с учетом возможных процедурных связей с процессом, необходимо определиться с общей методологией подхода к решению задачи, а это предполагает ориентацию на тип процесса – процедурный или институциональный, понимание (выбор) парадигмы процесса. Пока этот процесс течет «естественным путем», методом проб и ошибок, порой исходя из сиюминутных потребностей. Эффективным такой подход назвать нельзя. Решение проблем дифференциации не только судебных процедур, но и в целом процесса и одновременно его унификации невозможно без корреспондирующей сущности процедур классификации судебных постановлений (актов), в том числе видов судебных решений по процедурному критерию¹. Это неизбежный процесс, и важно, чтобы он был подготовлен доктриной, но не пущен самотеком.

3. Примирительные процедуры, включая мировое соглашение, – демонстрация *de facto* нового метода достижения целей процесса посредством урегулирования спора волеизъявлением заинтересованных лиц (*contra* властного разрешения судом спора о праве).

Знаковым представляется включение в ст. 2 ГПК РФ («Задачи гражданского судопроизводства»), ч. 6 ст. 2 АПК РФ («Задачи судопроизводства в арбитражных

¹ Авторское суждение о процедурных критериях классификации судебных решений см., напр.: Сахнова Т.В. Курс гражданского процесса. С. 475–476.

судах») положения о том, что судопроизводство должно способствовать (содействовать – по терминологии АПК РФ) мирному урегулированию споров. По сути, таким образом фиксируется не побочный социальный эффект процесса (как, например, предупреждение правонарушений), но элемент новой методологии гражданского процесса, необходимость легальных методов, которые бы открывали процедурно-процессуальный путь исчерпания спора, ставшего предметом процесса, посредством не властного его разрешения судом, но урегулирования волеизъявлением сторон при содействии тому со стороны суда. По нашему суждению, такая новелла заслуживала более однозначного и точного воплощения в отдельно сформулированной норме, увязанной с целями судопроизводства, ибо очевиден акцент, трансформирующий и цели процесса в целом, и функции суда в процессе (ср., например, ч. 2 ст. 133, ч. 1 ст. 147, п. 5 ч. 1 ст. 150, ч. 2 ст. 152, ч. 1 ст. 153.1 ГПК РФ, ч. 1 ст. 134, п. 2 ч. 1 ст. 135, п. 2.1 ч. 2 ст. 136, ч. 1 ст. 138 АПК РФ).

Федеральными законами (от 28 ноября 2018 г. № 451-ФЗ и от 26 июля 2019 г. № 197-ФЗ) сделан пока первый и очень осторожный шаг в направлении развития внесудебных и досудебных процедур. Обязательность последних уменьшила свой диапазон до предусмотренных федеральным законом; одновременно принята – еще робкая – попытка заявить о процессуальной функции факультативных примирительных процедур, досудебный характер которых определялся бы самими заинтересованными лицами, но не в качестве договорного условия (в контексте условий реализации права на судебную защиту, что отражает предметный подход), а как самостоятельного и осознанного использования досудебного способа урегулирования спора, могущего повлиять на процедурное (не предметное!) течение процесса. Повторимся: в представленной законом модели необходимой ясности пока нет – лишь скромный намек на такие возможности (например, необходимость указать в исковом заявлении на проведение сторонами примирительной процедуры, если она имела место до обращения в суд; приложение соответствующих подтверждающих документов к исковому заявлению, если опять-таки они имеются у стороны и стороны прибегали к такой процедуре, – ср. п. 7.1 ч. 2 ст. 131, п. 7 ст. 132 ГПК РФ, п. 8.1 ч. 2 ст. 125, п. 7.1 ч. 1 ст. 126 АПК РФ).

По-прежнему вызывает нарекания плохо продуманный концепт примирительных процедур (гл. 14.1 ГПК РФ, гл. 15 АПК РФ, ст. 137–137.7 КАС РФ)¹. Главное: в законодательном регулировании никак не соотношены процессуальные и непроцессуальные примирительные процедуры; мировое соглашение вынесено «за скобки» примирительных процедур и предпринята – крайне неудачная, на наш взгляд, – попытка внедрить в мировое соглашение материально-правовые

¹ Авторские замечания на проект данных глав были высказаны в Замечаниях от 21 января 2018 г. на проект постановления Пленума ВС РФ «О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием примирительных процедур»».